

Л. А. АНДРЕЕВА

СЕКУЛЯРНАЯ СВЯТОСТЬ: КУЛЬТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ МУЧЕНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Автор рассматривает формирование квазирелигиозного культа революционных мучеников как одной из форм «переноса сакральности». Показано становление этого феномена в народовольческом движении в Российской империи второй половины XIX века. Особое внимание уделено изучению биографии В.И. Ленина через призму народовольческих идеалов и прижизненное, а также посмертное восприятие Ленина как секулярного святого.

Ключевые слова: *культ революционных мучеников, секулярная святость, квазирелигиозность, народовольцы, Российская империя, В.И. Ленин*

В 2017–2021 гг. исполняется 100 лет событиям Великой русской революции, оказавшей детерминирующее влияние на ход мирового исторического процесса. В этом свете тема революционной жертвенности, осмысление ее истоков, роли в революционных событиях становится актуальной как никогда. Начиная со времен Великой французской революции конца XVIII в. революционная жертвенность играет одну из ключевых ролей в революционно-преобразовательных движениях. Культ революционных мучеников как культ секулярных святых являлся составной частью коммунистической квазирелигиозности. Тема секулярной святости со времен «Вех» в эмигрантской, а затем российской исторической литературе служила полем обсуждения соотношения в революционной субкультуре рационального и мистического, футуризма и пассаизма¹. Однако, проблемы конструирования образа революционного мученика в общественном сознании, осмысление тех качеств, которыми должен обладать революционный «святой» не получили еще должного осмысления. Данная статья попытается восполнить существующую лакуну.

Жертва и жертвенность являются одним из ключевых культурных символов, с которого начинается процесс мифотворения Мира.

«Способность человеческого существа к жертве есть способ замещения некой изначальной природной данности символическим бытием, что, в свою очередь, представляет собой признак, определяющий понятие "антропологической реальности" в качестве указания на то, что есть Человек как особая реальность, полагающая нечто новое как мир истории. Специфика жертвенных механизмов состоит в том, что они являются не просто одним из факторов становления субъекта в истории. Будучи началообразующим, генетически

---

¹ См.: Бердяев 1990; Булгаков 1997; Безансон 1998; Тумаркин 1997; Жукоцкий 2004; Фирсов 2003; Андреева 2010.

определяющим, жертвенный акт "выпадает" из системы производящих им значений. И это подтверждается тем фактом, что жертвенные механизмы являются принципиально скрытыми структурами в жизни человека, ускользающими от прямого взгляда. Итак, жертвенный акт лежит в основании способности человека к символическому означиванию реальности².

Впервые культ революционных мучеников как «перенос сакральности» сложился во время Французской революции конца XVIII в.

Как замечает историк Л.А. Пименова, «наряду с празднествами в честь Разума, в 1793–1794 гг. распространилось и почитание "мучеников свободы". Их было трое: убитый Шарлоттой Корде в июле 1793 г. Ж.-П. Марат, М. Лепелетье, убитый роялистом в январе 1793 г., и казненный в мятежном Лионе в июле того же года глава местных якобинцев М.-Ж. Шалье. В отличие от культа Разума, поклонение "мученикам свободы" зародилось уже непосредственно в народной среде. Оно было ближе и понятнее народным низам, чем почитание слишком абстрактного для них Разума. Культ мучеников особенно усилился в разгар дехристианизации, когда с закрытием церквей на время было запрещено совершение католических обрядов. Отправляя новый культ, его приверженцы прославляли республику, причащались делу свободы и крепили свою революционную веру. При этом обряды в честь "мучеников свободы" совершались с поистине религиозной пышностью, с торжественными кортежами и участием хоров. В церквях, ставших храмами Разума, изображения католических святых сменились бюстами революционной троицы Марата, Лепелетье и Шалье <...> В частности, культ "мучеников свободы" был рожденной в ходе революции формой народной религиозности. Он возник, с одной стороны, благодаря популярности убитых якобинских вождей, в особенности "друга народа" Марата. С другой стороны, его истоками были христианский культ святых и поклонение мощам (почитатели "мучеников свободы" поклонялись не только их изображениям, но и останкам). Марат, Лепелетье и Шалье стали революционными святыми великомучениками и заступниками. Принимая рожденные революцией новые ценности и новых героев, народ выражал свое преклонение в привычных, традиционных формах»³. Заметим, что культ революционных мучеников тесно связан с культом учредительной жертвы, когда кто-либо принесит в жертву ради сотворения нового мира. Казнь Людовика XVI была именно актом учредительной жертвы Французской республики. Робеспьер в одном из «Писем к своим доверителям» писал о казни короля, что этот великий акт справедливости привел в отчаяние аристократию, уничтожил веру в божественную природу монархии и основал Республику»⁴.

В России культ революционных мучеников впервые отчетливо проявился в 1860-е гг. в среде революционеров-народников. Образцом для подражания для революционных демократов стали декабристы. Профиль пяти казненных декабристов был изображен на титульном листе альманаха «Полярная звезда», который издавался в 1855–1869 гг. в Русской вольной типографии в Лондоне, позднее в Женеве, А.И. Герценом и Н.А. Огаревым. Само название «Полярная звезда» было данью

² Круглова 2013. С. 308.

³ Пименова. Идея свободы во Французской революции XVIII в.

⁴ Собыль 1974. С.35.

преклонения перед декабристами (именно К.Ф. Рылеев и А.А. Бестужев-Марлинский издавали в Санкт-Петербурге в 1822–1825 гг. литературный альманах «Полярная звезда»). Революционная прокламация 1861 года, составленная М.И. Михайловым, с призывом свергнуть царизм, заканчивалась словами, обращенными к учащейся молодежи:

«Готовьтесь сами к этой роли, какую сам придется играть; зрите в этой мысли, составляйте кружки единомыслящих людей, увеличивайте число прозелитов, число кружков, ищите вожаков, способных и готовых на все, и да ведут их и вас на великое дело, а если нужно, то и на славную смерть за спасение отчизны тени мучеников 14 декабря!»⁵.

Декабристы были первыми революционными мучениками, заплатившими жизнью или страданиями за свои революционные убеждения:

«...в великом деле народно-освободительного движения русская интеллигенция видела свое историческое призвание, весь смысл своего существования в русской культуре и истории. Но, чтобы реализовать его в условиях деспотического государства с многовековой традицией самодержавия, нужно было "сжаться в комок", стать общностью, духовно организованной и морально дисциплинированной, по-своему жесткой и воинственной, нужно было стать "монашеским орденом" (Н. Бердяев). "Тут сказалась глубинная православная основа русской души: уход из мира, во зле лежащего, аскеза, способность к жертве и перенесение мученичества". Это во многом объясняет ситуацию, по сути, религиозной адаптации народных идей в России, а равно и тех общественно-политических образований, которые возникли как ее следствия»⁶.

В 1866 г. состоялась первая попытка убийства революционером-народником Д.В. Каракозовым царя Александра II, что можно рассматривать в качестве учредительной жертвы. На суде подсудимые называли себя «нигилистами». Князь-анархист П.А. Кропоткин вспоминал:

«...вся Россия читала с удивлением во время процесса каракозовцев, что подсудимые, владевшие значительными состояниями, жили по три, по четыре человека в одной комнате, никогда не расходовали больше чем по десяти рублей в месяц на каждого и все состояние отдавали на устройство кооперативных обществ, артелей, в которых сами работали»⁷.

Аскетизм рассматривался народниками как одно из необходимых условий успешного противостояния тоталитарному государству. Речь шла о добровольном принесении в себя в жертву ради счастья народа, ради построения идеального социалистического общества. Таким образом, уже четко просматривается *идеология революционной жертвенности*, как процесса отказа от более низшего, для того чтобы достичь более высокой, более желаемой цели. Этот тип людей найдет отражение в произведениях И.С. Тургенева и Н.Г. Чернышевского. Возникшее движение нигилизма отрицало общественную мораль, традиции, устой

---

⁵ Хрестоматия. 1990. С. 112-115.

⁶ Русская Реформация. С. 90.

⁷ Кропоткин 1988. С. 286.

тогдашней самодержавной России. Главное в их мировоззрении – искренность во всем. Если человек проповедует идеалы справедливости, то и он в своей повседневной жизни сам должен следовать им. Отсюда беспощадная борьба с моралью государственного Православия. Нигилисты признавали только один авторитет – разум⁸.

Мировоззренческая основа взглядов ведущих идеологов народничества была различной – позитивизм (Н.К. Михайловский, отчасти П.Л. Лавров), материализм (П.Н. Ткачёв). Позитивистская философия О. Конта оказала сильное влияние на народническое движение. Сама она явилась связующим звеном между теориями XVIII в. (Вико, Тюрго, Кондорсе) и глобальной теорией второй половины XIX в. – диалектическим материализмом К. Маркса и Ф. Энгельса. В целом была воспринята базовая идея Конта о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества (теологическая, метафизическая, позитивистская или научная). Переход на позитивистскую стадию мышления влечет за собой переход к лучшему, позитивному государственному устройству, разработанному Контом в «Системе позитивной политики». Это будет рациональное, гармоничное общество, все члены которого живут друг для друга. В реформированном позитивистском обществе главным мотиватором будет религия, которая избавится от богов или Бога («Катехизис позитивной религии»⁹) и найдет вдохновение в человечестве как Высшем Существо. Позитивистское жречество будет проповедовать истину разума и воспитывать в обществе дух коллективизма и сотрудничества. Раскол между верой и разумом будет преодолен. Главными адептами новой религии человекобожества окажутся ранее угнетаемые слои населения – пролетарии и женщины. Эти базовые постулаты философии Конта будут проявляться, осмысливаться, интерпретироваться как в народническом движении, так и в русском марксизме.

Народничество как особое направление в русской политической и правовой мысли возникло в атмосфере общественной неудовлетворенности результатами крестьянской реформы 1861 г. Идеология народничества основывалась на вере в самобытный путь развития России к социализму, минуя капитализм, на основе крестьянской общины. Вера в построение идеального социалистического общества, хилястическая по своей сути, берет начало именно в эпоху революционеров-народников.

Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) был настольной книгой нескольких поколений русских революционеров, в т.ч. В.И. Ленина. В чертах главного героя романа – Рахметова уже явственно просматриваются черты новой революционной квазирелигиозности. Вера в идеальное будущее сопряжена с верой в «нового человека», освобожден-

---

⁸ Крopotкин 1988. С. 284.

⁹ См.: Конт 2011.

денного от «грехов» прошлого. Рахметов стал для нескольких поколений русских революционеров эталоном «нового человека». Стремясь овладеть знаниями, которые воспринимались как ключ к спасению, он целенаправленно читал только ту литературу, которая базировалась на материалистическом мировоззрении (Л. Фейербах, Г. Бюхнер, К. Фохт). Именно материализм являлся для Рахметова ключом в постижении абсолютной истины. Следует отметить как принципиально важный момент, что почти всю революционную русскую интеллигенцию XIX в. (революционно-демократическую – В. Белинский, А. Герцен, Н. Огарев, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Н. Писарев, народническую – П. Лавров (частично), М. Бакунин, П. Ткачев и социал-демократическую, ориентированную на марксизм, – В. Ульянов (Ленин), Г. Плеханов, В. Засулич, А. Потресов, П. Аксельрод) *объединяло принятие материализма как фундамента мировоззрения.*

Учение материализма – своего рода новое «Евангелие», и Рахметов становится его адептом. Его облик внешне строится по канонам христианской аскетики: сон на гвоздях, отказ от личной жизни и общения с женщинами. Рахметов представляет собой квазирелигиозный тип нового социалистического «святого». Слова «святой», «пророк» обильно используются при разговоре о революционерах. Эту новую революционную святость Чернышевский воспекает в религиозных выражениях: «это соль соли земли»¹⁰. Сохранились свидетельства о том, что облик самого автора романа «Что делать?» воспринимался некоторыми его современниками в категориях «святости». Например, солдаты-конвоиры, препровождавшие в Сибирь Чернышевского, были поражены его нравственным обликом: «Нам говорили, что мы будем охранять страшного злодея-преступника, а это святой»¹¹. Вокруг Рахметова возникает своеобразная секта приверженцев новой «благой вести» – социализма и материализма. Сектантский дух революционеров-народников с его претензией на исключительность своей роли, доктрины, активный прозелитизм новых адептов, фанатизм в отстаивании своей веры и неприятие других учений, харизматический характер лидерства будет впоследствии целиком воспринят большевизмом.

В 1870–1880-е гг. в России уже не на страницах романа, а в жизни начал проявляться *квазирелигиозный культ революционных мучеников*. Это особенно наглядно проявилось в ходе процесса над революционерами-народниками по «делу 193-х». Судебный процесс проходил в Петербурге с 1877 по 1878 г. Подсудимыми были участники «хождение в народ», арестованные за революционную пропаганду в деревне с 1873 по 1877 г. К дознанию было привлечено 770 чел., к следствию

¹⁰ Безансон 1998. С. 119.

¹¹ Дунаев 2003. С. 134.

265, в результате жестоких условий содержания в тюрьме к началу процесса 43 из них скончались, 12 покончили с собой, 38 сошли с ума¹². Разбирательство проходило открыто, с участием присяжных, т.е. правительство как бы делегировало третьим лицам право определить меру наказания арестованным. Защиту представлял цвет русской адвокатуры: В. Спасович, Д. Стасов, П. Александров, Е. Утин, В. Герард и др. Суд оправдал 90 из 193 участников «хождения в народ», отсидевших по 3–4 года в предварительном заключении, а для половины обвиняемых (включая приговоренных к каторге) ходатайствовал о сокращении сроков наказания¹³. Обвиняемые взяли на себя роль обвинителей. Подсудимый революционер-народник И. Мышкин (легендарная личность среди народников, был известен своей попыткой освободить Чернышевского из тюрьмы в Сибири) обращался к суду с такими словами:

«Это не суд, а просто комедия или нечто худшее, более отвратительное, позорное <...> чем дом терпимости <...> осуждение такого суда — не клеймо, а удостоверение в принадлежности к числу людей, которые не погрязли окончательно в пошлых, мелочных, личных заботах, в погоне за наживой и чинами, а посвятили свои силы, в большей или меньшей степени, на служение обществу»¹⁴. Речь Мышкина, сразу напечатанная в мировой прессе¹⁵, а впоследствии нелегально напечатанная в России, сильно ударила по престижу царского режима. Характерен отзыв о речи Мышкина царского генерала: «Сотни нигилистов за целый год не могли сделать нам столько вреда, сколько нанес этот человек за один-единственный день»¹⁶.

Для интеллигентной России народники превратились в революционных святых. Народоволец А.Д. Михайлов накануне ожидаемой смертной казни написал в прощальном письме родным: «Своей судьбе, если позволит скромность, я могу улыбаться даже. Она приносит мне великое нравственное удовлетворение <...> Я отдал искренно, убежденно, веруя, все, что имел, моему богу <...> Вы сожалеете, мои родные, что я сбился с большой дороги. Позвольте, милые, напомнить вам слова великого законодателя нравственности и любви, в которого вы глубоко верите, слова о широком и тесном пути. Не все идут большими торными дорогами, идут некоторые и тесными, тернистыми»¹⁷.

В таких картинах И. Репина, как «Арест пропагандиста», «Не ждали», «Сходка», отчетливо ощущается христианская реминисценция. «Такая трактовка событий отражала безоговорочную поддержку интеллигенцией борьбы народников, осужденных на громких судебных процессах 1870-х гг. Здесь сказались и нравственная высота подсудимых,

¹² Стенографический, 1878.

¹³ 1 марта 1991, 1991. С. 197-198.

¹⁴ См. речь Мышкина: Государственные преступления... С. 270-283.

¹⁵ См. об этом: Lavigne, 1880.

¹⁶ Степняк-Кравчинский, 1963. С. 162.

¹⁷ Б.п. А.Д. Михайлов, 1917. С. 214-216.

самопожертвование и поддержка ими друг друга, их вера в свои цели и достоинство, с которым они держались на судах, а вместе с тем евангельская готовность принять страдания...». К этому типу восприятия относится и лучшая из народовольческого цикла картина «Исповедь»¹⁸. После цареубийства 1 марта 1881 г. акценты в восприятии народовольцев Репиным изменились. Однако в картинах «Не ждали» и «Сходке» Репин ставит персонажей в ситуацию, подобную «Узнаванию близкими воскресшего их мертвых» и «Тайной вечере».

Именно в это время начала складываться революционная агиография (жития «святых революционеров»). Одна из выдающихся книг этого жанра – книга революционера-народника С. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия»¹⁹ (1 изд. – 1882 г., Милан). Революционные «жития» новых святых культивировали фанатичную веру и преданность делу революции, неотделимые от стремления к самопожертвованию, мученичеству, страданию за «веру», что роднит адептов «новой веры» с ранними христианами. В этой книге описывается казнь в 1879 г. в Киеве террориста-народовольца, члена «Земли и Воли» В.А. Осинского:

«В течение всех десяти дней, которые протекли между судом и казнью, он оставался совершенно спокойным, даже веселым. Он ободрял своих друзей и ни на миг не изменил себе. Когда к нему на свидание пришли мать с сестрой, он, зная, что приговор уже утвержден, сказал им, что смертная казнь отменена; но тут же шепотом сообщил сестре, шестнадцатилетней девушке, что, вероятно, завтра ему предстоит умереть, и просил ее приготовить мать к этой тяжелой вести. Накануне казни он написал друзьям длинное письмо, которое можно назвать его политическим завещанием. Он мало распространяется в нем о себе и своих чувствах. Поглощенный делом партии, он рассуждает о приемах борьбы, которые, по его мнению, следовало бы усвоить, и предостерегает от повторения старых ошибок. Утром 14 мая его повели на казнь вместе с двумя товарищами, Антоновым и Брантнером. Из утонченной жестокости ему не завязали глаз, и он принужден был смотреть на предсмертные судороги своих друзей на виселице, на которую через несколько мгновений ему предстояло самому взойти. Это ужасное зрелище произвело такое потрясающее впечатление на его физическую природу, над которой воля человека бессильна, что голова Валериана в пять минут побелела, как снег. Но его душевная сила осталась непоколебленной. Подлые жандармы подбежали к нему в этот момент, спрашивая, не хочет ли он просить о помиловании. Валериан прогнал их с негодованием и, отказавшись от помощи палача, твердым шагом поднялся по ступеням эшафота. К нему подошел священник с распятием. Энергическим жестом Осинский дал понять, что так же мало признает небесного царя, как и царей земных. По приказанию начальства военный оркестр заиграл “Камаринскую”»²⁰.

В начале XX в., вдохновленный примером Осинского, член партии большевиков В.В. Оболенский выбрал псевдоним Н. Осинский.

¹⁸ Пospelов. Илья Репин (1844–1930): народовольческая серия...

¹⁹ Степняк-Кравчинский 1987.

²⁰ Степняк-Кравчинский, 2014. С. xlviii-xlix.

Заслуживают внимания «жития» казненного в 1879 г. Дмитрия Лизогуба, которого Степняк-Кравчинский прямо называет «наш святой»:

«Было бы слишком мало назвать Лизогуба чистейшим из людей, каких я когда-либо встречал. Скажу смело, что во всей партии не было и не могло быть человека, равного ему по совершенно идеальной нравственной красоте. Отречение от громадного состояния на пользу дела было далеко не высшим из проявлений его подвижничества. Многие из революционеров отдавали свое имущество на дело, но другого Дмитрия Лизогуба между ними не было. Под внешностью спокойной и ясной, как безоблачное небо, в нем скрывалась душа, полная огня и энтузиазма. Для него убеждения были религией, которой он посвящал не только всю свою жизнь, но, что гораздо труднее, каждое свое помышление: он ни о чем не думал, кроме служения делу. Семьи у него не было. Ни разу в жизни он не испытал любви к женщине. Его бережливость доходила до того, что друзья принуждены бывали заботиться, как бы он не заболел от чрезмерных лишений <...> И, однако, деньги, которые Лизогуб берег с ревнивой заботливостью Плошкина, были его злейшим врагом, источником нескончаемых мучений, каким-то вечным проклятием, тяготевшим над ним. При своей впечатлительной, крайне отзывчивой натуре, он безгранично страдал, будучи вынужден сидеть со сложенными руками, безучастным зрителем борьбы и мученичества своих лучших друзей. Находясь под строжайшим надзором, так как на него был сделан донос в принадлежности к революционной партии родственников, которые надеялись в случае его осуждения получить его состояние, он не мог ничего делать <...> Вынужденная бездеятельность тяжело должна была угнетать человека, подобного Лизогубу, который соединял в себе отважность бойца с пламенным энтузиазмом пророка. Но Лизогуб ухитрился превратить для себя эту бездеятельность в источник самых глубоких нравственных страданий. Со скромностью истинно великой души он не видел ни малейшей заслуги в том, что ему казалось естественнейшей вещью в мире, – в отречении от своего богатства и жизни, полной лишений»²¹.

Среди революционеров-народников 1870-х гг. 22% были выходцами из семей духовенства, в то время как доля духовенства во всем населении страны в 1870 г. составляла 0,9%²². Таким образом, религиозное мировосприятие легко трансформировалось в самые радикальные ментальные формы, чему способствовало то, что социализм с его идеей построения окончательного и совершенного миропорядка, искоренения зла и несправедливости путем тотального преобразования мира оказался психологически близок к христианству.

В нелегальной газете революционеров-народников «Земля и воля» (издавалась в 1878–79 гг.) социализм характеризовался как «высшая форма всеобщего, всечеловеческого счастья, которая только когда-либо вырабатывалась человеческим разумом, для него нет ни пола, ни возраста, ни религии, ни национальности, ни классов, ни сословий <...> только вера в свое служение всему человеческому способна возбудить тот пламенный, чисто религиозный фанатизм, который воодушевляет

²¹ Там же, с. lvii–ix.

²² Миронов 2003. С. 107.

социалистов и делает их непобедимыми, потому что самые гонения превращаются для них в источник блаженства на земле – блаженства мученичества и самопожертвования»²³. Вера Фигнер писала:

«Тот, кто подобно мне был когда-либо под обаянием образа Христа, во имя идеи претерпевшего оскорбления, страдания и смерть, кто в детстве и юности считал его идеалом, а его жизнь – образцом самоотверженной любви, поймет настроение только что осужденного революционера, брошенного в живую могилу за дело народного освобождения <...> Идеи христианства, которые с колыбели сознательно и бессознательно прививаются всем нам, и история всех идейных подвижников внушают такому осужденному отрадное сознание, что наступил момент, когда делается проба человеку, испытывается сила его любви и твердости его духа как борца за те идеальные блага, завоевать которые он стремится не для своей преходящей личности, а для народа, для общества, для будущих поколений»²⁴.

Большевики создали свой культ, сформировав в ходе Гражданской войны тип революционного мученичества (напр., культ Сергея Лазо или Виталия Баневура) неотделимый от приносимой ими учредительной жертвы (красный террор) ради построения нового мира²⁵.

Уже Февральская революция легализовала революционный культ борцов за свободу. 23 марта 1917 года на похоронах жертв Февральской революции на Марсовом поле впервые легально прозвучал похоронный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Этот похоронный марш можно назвать гимном революционным мученикам:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.
Порой изнывали вы в тюрьмах сырых...
Свой суд беспощадный над вами
Судьи-палачи уж давно изрекли,
И шли вы, гремя кандалами.
Идешь ты усталый, а цепи гремят...
Закованы руки и ноги.
Спокойно, но грустно свой взор устремил
Вперед по пустынной дороге.
Нагрелися цепи от знойных лучей
И в тело впились змеями.
И каплет на землю горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.
Но ты молчаливо оковы несешь,
За дело любви ты страдаешь,
За то, что не мог равнодушно глядеть,
Как брат в нищете погибает.

²³ Революционная журналистика... С. 73.

²⁴ Фигнер 1964. С. 37.

²⁵ Именно в парадигме учредительной жертвы расстрел царской семьи и красный террор повторил события Французской революции конца XVIII века.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Уж чертит рука роковая!

Настанет пора – и проснется народ,
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный!

Похороны были организованы Петроградским Советом, в траурной церемонии приняло участие до 80 тыс. чел. Газета «Известия» писала: «Под гром пушек мы предаем сегодня земле тела наших братьев, павших в борьбе. Не впервые пролетариат опускает в могилу прах братьев <...> Но в первый раз российский пролетариат предает погребению останки героев... с воинскими почестями, которых заслуживает их подвиг <...> Так вечная память им, погибшим борцам жертвам Великой Русской Революции!»²⁶. Почти все манифестанты шли под красными флагами, именно тогда красный флаг приобрел статус общегосударственного символа. Планировалось на месте погребения возвести здание для парламента России, сознательно соединяя сакральный центр с легализацией новой власти. В речи на открытии временного памятника героям революции Б.Г. Каплун четко зафиксировал это понимание:

«Праздник годовщины великой пролетарской революции и в первую годовщину, и во вторую, и во все последующие будет начинаться с поклонения могилам героев революции. Пролетарии умеют ценить лучших героев земли, тех, которые отдали свои жизни за рабоче-крестьянское дело освобождения от ига капитала, от рабства бытия. Пусть нет их среди нас сейчас, пусть они зарыты в холодную, серую землю, но во все яркие минуты мы с ними <...> И сегодня, в великую годовщину, мы приходим к ним на могилу, чтобы молча, без слов сказать им: “Вас нет, вы ушли навсегда, за дело свободы вы отдали всё, что могли, но красное знамя, которое вы несли, не упало. Оно так же высоко поднято. С каждым днем под него становятся новые и новые тысячи рабочих и крестьян. Путь наш пока ещё так же труден, как и при вас. Но победа близка. Красное знамя пролетарской свободы скоро разовьется надо всем миром”. Нет ни одного честного пролетария, которого бы, проходя мимо братской могилы борцов за свободу, не охватывало какое-то особое состояние волнения. Что-то большое и глубокое наполняет всего тебя перед могилами тех, кто бессмертен. Что-то великое мощно зовет пойти по стопам зарытых в землю героев-борцов. Их судьба рождает зависть. Дух благородной ревности жив в каждом честном пролетарии, и не может он не родить этой зависти...»²⁷.

Но Марсову полю не суждено было выполнить функцию общероссийского пантеона новых святых – революционных мучеников. На смену Февральской пришла революция Октябрьская, и у нее появился свой пантеон – первые захоронения революционеров на Красной площади появились после подавления сопротивления юнкеров в Москве.

²⁶ Над братской могилой... 1917. С. 3.

²⁷ Каплун 1919. С. 12-13.

В.И. Ленин в речи на открытии мемориальной доски на братской могиле 7 ноября 1917 г. так охарактеризовал роль и место культа «революционных мучеников» в Советской России:

«Мы открываем памятник передовым борцам Октябрьской революции 1917 г. Лучшие люди из трудящихся масс отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм. Товарищи! **История России за целый ряд десятилетий нового времени показывает нам длинный мартиролог революционеров** (выделено мной. – Л.А.). Тысячи и тысячи гибли в борьбе с царизмом. Их гибель будила новых борцов, поднимала на борьбу всё более и более широкие массы. На долю павших в Октябрьские дни прошлого года товарищей досталось великое счастье победы. Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обещавших этим героизмом массы победу. Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг – “победа или смерть”. И с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы»²⁸.

Очевидец похорон Дж. Рид запечатлел разговор со студентом:

«Молодой студент заговорил с нами по-немецки:

– Это братская могила, – сказал он, – завтра мы похороним здесь пятьсот пролетариев, павших за революцию.

Он свел нас в яму. Кирки и лопаты работали с лихорадочной быстротой, и гора земли все росла и росла. Все молчали. Над головой небо было густо усеяно звездами, да древняя стена царского Кремля уходила куда-то ввысь.

– Здесь, в этом священном месте, – сказал студент, – самом священном во всей России, похороним мы наших святых. Здесь, где находятся могилы царей, будет покоиться наш царь – народ...»²⁹.

Как справедливо замечает С.А. Еремеева,

«неожиданное на первый взгляд решение о создании некрополя в центре столицы рождается на перекрестке нескольких культурных контекстов: желания превратить в достойных и «правильных» покойников тех, кто погиб при смене власти (внецерковная религиозность); присвоения им значения героев, павших в боях за общее дело, и приравнивание их к военным героям, чей статус был к тому времени высок (идеология европейских национальных государств, в том числе и России). К этому же добавлялись обертоны христианской жертвы (православие). Это странное действо на Красной площади в шоковой ситуации смены власти, возможно, смогло удовлетворить наибольшее число людей. Авторитетность такой практики подтвердили позднейшие подражания ей на местах»³⁰.

С первых дней Октябрьской революции стал складываться культ Ленина как вождя Революции. Какое место в этом культе занимает ре-

²⁸ Ленин 1969. С. 171.

²⁹ Рид 1987. С. 272.

³⁰ Еремеева 2014. С. 32.

волюционное мученичество? Колоссальное влияние на Ленина имел роман «Что делать?». В разговоре с Н. Валентиновым (деятель социал-демократического движения) он так отозвался о Чернышевском:

«Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?». Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал. Когда вы читали “Что делать?”? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют»³¹.

Ленин считал, что «величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления»³². Аскетичный образ жизни Рахметова, системность и рациональность, желание стать примером для окружающих – эти черты Ленин стремился воплотить в своей жизни.

Г.В. Чичерин, нарком иностранных дел в 1918–1930 гг., писал: «Чему трудно было научиться у Владимира Ильича – настолько он в этом превосходил всех своих собеседников – это его умению во всем, до последних мелочей проводить полнейшую систематичность. Где бы он ни находился, вся его работа, все дела были всегда строго систематически распределены. Такая же строгая система господствовала в его книгах, в его бумагах, вообще во всей его личной жизни. И в нашей советской работе он был учителем строгого проведения систематичности. Он всегда требовал, чтобы всякое дело было в порядке, чтобы строго применялась нумерация, чтобы законные формы были соблюдены, и на всякую подаваемую ему бумажку он прежде всего смотрел критическим взглядом и указывал на имеющиеся в ней формальные дефекты, являющиеся нарушением законных форм, то есть существующей системы. И в этом отношении он учил тому, что нет мелких дел, что никакой мелочью нельзя гнушаться, что строгая систематичность работы должна быть проведена также и в мельчайших деталях каждого дела. Систематичность, строгую обдуманность, рациональность он считал необходимым проводить и в личной жизни. Он настаивал, чтобы те, кто с ним работал, своевременно отдыхали, принимали нужные меры для сохранения своего здоровья, чтобы их жизнь была урегулирована, рациональна и обдумана, без господства случайностей и халатности. Все должно быть строго обдуманно, не должно быть распущенности, небрежности. Все должно быть строго целесообразно, эта целесообразность должна господствовать над настроениями и над инстинктом – вот чему учились у него те, кто с

³¹ Валентинов 1953. С. 103.

³² Вождь, 1991. С. 41.

ним работал. Деловые соображения должны господствовать над личными, всякий личный момент должен отступать перед интересами дела... Думай только о деле, не думай о личных соображениях, пусть сознательно поставленная цель господствует над личными чувствами и над личными обстоятельствами – вот чему учились у него работавшие с ним <...> В лице Владимира Ильича мы имеем действительно неподражаемый образец представителя пролетарской культуры, культуры, основанной на точности знания, на рациональности всей человеческой работы, – одним словом, на господстве разума над природой и общественно урегулированного производства — над слепой стихией»³³.

Партийный деятель и дипломат В. Воровский писал о Ленине:

«Трудно представить себе более цельное сочетание в одном лице громадной мысли, могучей воли и великого чувства: Владимир Ильич как бы выгесан весь из одной глыбы, и нет в нем линий раскола. Все в нем сосредоточено, как бы пригнано к одной большой общей задаче – служению делу пролетариата и руководству им на пути к социализму. И с какой бы стороны вы ни подходили к нему, вы неизменно наткнетесь на ту же единую, но грандиозную идею, охватывающую его целиком и не оставляющую места другим интересам»³⁴.

Интересна также характеристика Ленина, данная Н. Бердяевым³⁵:

«Ленин не был дурным человеком, в нем было и много хорошего. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе. Ленин был человеком судьбы, роковой человек, в этом его сила».

Адепт новой веры, подчинивший свою жизнь проповеди «новой благой вести» (марксизму) – таков психологический портрет Ленина. Максим Горький в очерке «Владимир Ильич Ленин» писал: «его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина могли бы назвать святым»³⁶. Сложившийся в СССР псевдорелигиозный культ Ленина имел своим фундаментом культ революционных мучеников. Отправная точка складывания культа Ленина – покушение на него эсерки Фанни Каплан 30 августа 1918 г. на заводе Михельсона в Москве. Ранение Ленина советская пропаганда истолковывала как добровольную жертву человека-спасителя, сознательно подвергавшего себя опасности, отказываясь от телохранителей. Можно согласиться с тем, что культ Ленина берет начало в публичном признании его добровольной жертвы на благо народа³⁷. Более того, истоки болезни Ленина первоначально искали в отравлении свинцом от пули Каплан, которая оставалась в теле Ленина до операции 1922 г.³⁸

³³ Чичерин 1924. С. 19-20.

³⁴ Воровский 1920. С. 15.

³⁵ Бердяев 1990. С. 152.

³⁶ Горький 1920. С. 193.

³⁷ Тумаркин 1997. С. 82.

³⁸ Эта версия породила создание медицинской комиссии (1969), в которую вошли известные ученые (Е.В. Шмидт, С.А. Саркисов, Е.И. Чазов и др.), с целью

Уже с 1920 г. начинается складываться ленинская агиография – в честь 50-летия Ленина Агитпроп издал огромным тиражом в 200 тыс. экземпляров его биографию, написанную старым большевиком В. Невским, позднее – первым директором Библиотеки им. Ленина и автором первой многотомной истории ВКП(б), издание которой было быстро прервано И. Сталиным, Г. Зиновьевым и Л. Каменевым. История детства Ленина интерпретируется в книге в мессианских и телеологических терминах, как жизнь чудесного младенца, спасителя. В ней, в частности, говорится: «когда трудящемуся народу жилось очень тяжело под гнетом помещика капиталиста, в городе Симбирске, в небогатой семье родился мальчик, которому потом выпало на долю вместе с рабочими и крестьянами отобрать у помещиков... землю, освободить рабочего... и начать коренное переустройство мира»³⁹.

Особое значение в культуре Ленина как «мученика революции» имел характер его болезни и его возраст – на момент смерти в 1924 г. ему было всего 53 года. Характерна речь Г. Зиновьева, на траурном заседании II Съезда Советов ССР в 1924 г.:

«Ильич связал себя с рабочей массой не только идеей. Нет. Здесь у нас, в Москве, по улицам ее, от Серпуховки до дверей его кабинета, идет кровавый след, след его живой крови, и эта кровь, живая кровь, связывающая его кабинет с рабочей Москвой, с рабочими окраинами, она вошла в то море крови, которым оплачивает рабочий класс свое освобождение. Но не только кровь свою влил Владимир Ильич в это море крови, которого как искупительной жертвы требует капиталистический мир от борющегося пролетариата. Он отдал этой связи свой мозг. Врачи, которые достали из мертвого тела Владимира Ильича пулю, которая в последние годы оставалась там как свидетель ненависти всех эксплуататоров к нашему вождю, эти врачи раскрыли и его мозг, этот удивительный, поразительный мозг, мощь которого не знает себе равного. И они сказали нам сухими словами протокола, что этот мозг слишком много работал, что наш вождь погиб потому, что не только кровь свою отдал по каплям, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии, разбросал семена его как крупницы по всем концам мира, чтобы эти капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами, дивизиями, армиями борющегося за свое освобождение человечества»⁴⁰.

Похороны Ленина 27 января 1924 г. на Красной площади носили символический характер. Абсолютно логично и рационально, что Ленин был похоронен на Красной площади, которая выполняла с ноября 1917 г. функцию сакрального общероссийского пантеона новых святых

еще раз проанализировать историю болезни Ленина. Комиссия пришла к заключению, что «вокруг пули возникла гематома, что привело к сдавливанию сонной артерии, и именно в этом месте на внутренней стенке артерии начали образовываться атеросклеротические бляшки, т.е. стал развиваться атеросклероз, который в дальнейшем привел к нарушению мозгового кровообращения». – По воспоминаниям...

³⁹ Невский 1920. С. 3.

⁴⁰ У великой могилы, 1924. С. 250.

– революционных мучеников. II съезде Советов СССР 26 января 1924 г. И. Сталин произнес клятву в стиле православной проповеди:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!.. Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянёмся тебе товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!.. Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы не поощрим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!»⁴¹.

Мотив мученичества четко осознавался и участниками траурных мероприятий по всей России. Исследователь коммеморативных особенностей массового прощания жителей Новосибирска, Томска, Омска и Барнаула с Лениным Е.И. Красильникова замечает, «хотя Ленин и умер “своей смертью”, но драматизм похоронного сценария героя не мог обойтись без религиозных мотивов мученичества в речах собравшихся. Этот шаблон, многократно применявшийся в предыдущие годы на “красных” похоронах жертв и “героев” Гражданской войны, стал непременной чертой “красных” похорон. Митинговавшие говорили: “Ты замучен тяжелой болезнью, трудной и длительной работой”. Дело революции было названо на этом митинге “святым”. Озвучена была и вера в то, что “наш учитель <...> сейчас пойдет к ранее павшим борцам, к своим ученикам”»⁴². Культ революционных мучеников во главе с Лениным транслировал идею служения людям, основанную «“на долге перед мертвыми, чью жизнь ты доживаешь и чье дело ты продолжаешь”, – культурный императив, формировавшийся посредством советских мемориальных ритуалов <...> Советский человек оказывался перед чреватым неврозом противоречием: для того чтобы стать бессмертным, нужно остаться в памяти народной. Для того чтобы в ней остаться, нужно совершить акт служения общему делу. В предельном случае этот акт состоит в созидании собственной смерти. Смерти особенной – красной, и – на миру. В конечном счете оказывалось, что для того чтобы избежать смерти (стать бессмертным), нужно погибнуть»⁴³.

Заметим, что реальная жизнь Ленина – жизнь адепта новой веры, подчинившего все интересы проповеди «новой благой вести» – марксизму. В этом отношении жизнь Ленина становится хорошо понятна через призму народнического идеала. Аскетичный и воздержанный образ жизни Рахметова, системность и рациональность, его стремление самому сделаться примером для окружающих, все эти черты Ленин стремился воплотить в своей жизни. После его смерти стал складываться

⁴¹ Сталин 1947. С. 46-51.

⁴² Красильникова 2014. С. 70.

⁴³ Адоньева 2001. С. 153.

ся ленинский миф, имевший фундаментом культ революционных мучеников, борцов за свободу. Развиваясь этот миф принял формы квазирелигиозного культа вождя Революции. Однако, ход истории многократно трансформировал этот миф, соотносясь с потребностями политической ситуации, от бессмертного вождя до порождения темных сил.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II. Л.: Лениздат. 1991. 384 с.
- Авдоньева С.Б. Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб.: «Петербургское Востоковедение». 2001. 176 с.
- Андреева Л.А. «Православный строй» и коммунистический режим. Революционные события и православие // *Общественные науки и современность*. 2010. № 6. С. 105-114.
- Безансон А. Интеллектуальные истоки ленинизма. М.: Изд-во «МИК». 1998. 304 с.
- Бердяев Н. А. Русская идея // *Вопросы философии*. 1990. № 1-2.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. 1990. М.: Наука, 224 с.
- Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2-х т. М.: Наука, 1997. 826 с.
- Б.п. А.Д. Михайлов в крепости: (Последние прошения и письма) // *Былое*. 1917. № 3. С. 210-216.
- Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк: изд-во имени Чехова. 1953. 370 с.
- Вождь: (Ленин которого мы не знали). Саратов, Приволжское книжное изд-во. 1991. 288 с.
- Воровский В. В.И. Ульянов-Ленин // *Красноармеец*. 1920. № 21-22. С. 15-16.
- Горький М. Владимир Ильич Ленин // *Коммунистический интернационал*. 1920. № 12. Стб. 1927-1936.
- Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. Ростов-на-Дону, «Донская речь». 1906. 333 с.
- Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII—XX веках. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви. 2003. - 539 с.
- Еремеева С.А. «В вихре великом не сгинут бесследно»: новая смерть для борцов за новую жизнь // *Вестник Омского ун-та. Сер.: исторические науки*. 2014. № 4. С. 32-34.
- Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. 264 с.
- Жукоцкий В.Д. Русская реформация XX века: логика исторической трансформации атеистического протестантизма большевиков // *Общественные науки и современность*. 2004. № 3. С. 89-101.
- Каплун Б. Открытие временного памятника героям революции // *Пламя*, 1919. № 70. С. 12-13.
- Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: Книжный дом «ЛИБС РОКОМ». 2011. - 296 с.
- Красильникова Е.И. Прощание с В.И. Лениным и дни памяти вождя в административных центрах Западной Сибири (1924-1941 годы): коммеморативные практики // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2014. Т. 13, вып. 1: История. С. 67-76.
- Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Московский рабочий. 1988. 544 с.
- Круглова И.Н. Жертвенность как символическое бытие: Ж. Бодрийяр, Ж. Лакан, Р. Жирар // *Вестник Красноярского гос. аграрного университета*. 2013. № 10. С. 308-311.
- Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. В 55 т. Т. 37. М.: Изд-во политической литературы. 1969. 748 с.
- Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2003. 548 с.
- Над братской могилой // *Известия*. № 22, 23 марта 1917.
- Пименова Л.А. Идея свободы во Французской революции XVIII в. // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/LIBERTE.HTM>
- По воспоминаниям Е. Чазова // *Аргументы и факты*. 1988. № 8.
- Поспелов Г. Илья Репин (1844–1930): народовольческая серия // www.irina480.narod.ru/hudoj/repin/orepe/kritika/seriy.htm

- Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону: Тип. «Донская речь». 1907. 312 с.
- Рид Дж. Избранное: в 2-х кн.: Кн. 1. М.: Политиздат, 1987. 543 с.
- С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине (публ. В.С. Антонова) // Русская литература. 1963. № 2. С. 161-166.
- Степняк-Кравчинский С. Подпольная Россия. М.: Изд-во «Проспект». 2014 (ebook). 191 с.
- Собуль А. Первая Республика (1792-1804). М.: Прогресс., 1974. 378 с.
- Сталин И. В. Сочинения. М.: ОГИЗ. 1947. Т. 6. 170 с.
- Стенографический отчет по делу о пропаганде в Империи. Заседания Особого присутствия правительствующего Сената. СПб.: Тип. М. Стасюлевича. 1878. 634 с.
- Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект. 1997. 288 с.
- У великой могилы. М.: Изд. газеты «Красная звезда». 1924. 642 с.
- Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга. 2000. 671.
- Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания в 2-т. Т. 2. М.: Мысль. 1964. 320 с.
- Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М.: Просвещение. 1990. 416 с.
- Фирсов С.Л. Перевернутая религия: советская мифология и коммунистической культ (к вопросу о новом революционном сознании и «освобожденном» человеке // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2003. № 1. С. 91-109.
- Чичерин Г.В. Молодежь должна учиться у Ленина // Молодая гвардия. 1924. № 2-3. С. 17-20.
- Lavigne E. Introduction à l'histoire du nihilisme russe. Paris: G. Charpentier. 1880. 401 p.

REFERENCES

- 1 marta 1881 goda: Kazn' imperatora Aleksandra II. L.: Lenizdat. 1991. 384 s.
- Avdon'eva S.B. Kategoriya nenastoyashchego vremeni (antropologicheskie ocherki). SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie». 2001. 176 s.
- Andreeva L.A. «Pravoslavnyj stroj» i kommunisticheskij rezhim. Revolyucionnye sobyitiya i pravoslavie. // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 6. S. 105-114.
- Bezanson A. Intellektual'nye istoki leninizma. M.: Izdatel'stvo «МИК». 1998. 304 s.
- Berdyayev N.A. Russkaya ideya // Voprosy filosofii. 1990. № 1-2.
- Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. 1990. M.: Nauka, 224 s.
- Bulgakov S.N. Trudy po sociologii i teologii: V 2-h t. M.: Nauka. 1997. 826 s.
- V.p. A.D. Mihajlov v kreposti: (Poslednie prosheniya i pis'ma) // Byloe. 1917. № 3. S. 210-216.
- Valentinov N. Vstrechi s Leninyim. N'yu-York, izdatel'stvo imeni CHEkhova, 1953. 370 s.
- Vozhd': (Lenin kotorogo my ne znali). Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izd-vo. 1991. 288 s.
- Vorovskij V.V. I. Ul'yanov-Lenin // Krasnoarmeec. 1920. № 21-22. S. 15-16.
- Gor'kij M. Vladimir Il'ich Lenin // Kommunisticheskij internacional. 1920. № 12. Stb. 1927-1936.
- Gosudarstvennye prestupleniya v Rossii. T. 3. Rostov-na-Donu: «Donskaya rech'». 1906. 333 s.
- Dunaev M.M. Vera v gornie somnenij: Pravoslavie i russkaya literatura v XVII–XX vekah. M.: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2003. 539 s.
- Eremeeva S.A. «V vihre velikom ne sginut bessledno»: novaya smert' dlya borcov za novuyu zhizn' // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki. 2014. № 4. S. 23-34.
- Russkaya Reformaciya XX veka: stat'i po kul'turosofii sovetizma. M.: Novyj hronogpaf, 2008. 264 s.
- Zhukockij V.D. Russkaya reformaciya XX veka: logika istoricheskoy transformacii ateisticheskogo protestantizma bol'shevikov // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2004. № 3. S. 89-101.
- Kaplun B. Otkrytie vremennogo pamyatnika geroyam revolyucii // Plamya. 1919. № 70. S. 12-13.
- Kont O. Obshchij obzor pozitivizma. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. 296 s.
- Krasil'nikova E. I. Proshchanie s V.I. Leninyim i dni pamyati vozhdya v administrativnyh centrakh Zapadnoj Sibiri (1924–1941 gody): kommemorativnye praktiki // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2014. Tom 13, vypusk 1: Istoriya. S. 67-76.

- Kropotkin P.A. Zapiski revolyucionera. M.: Moskovskij rabochij. 1988. 544 s.
- Kruglova I.N. ZHertvennost' kak simvolicheskoe bytie: ZH. Bodrijjar, ZH. Lakan, R. ZHirar // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2013. № 10. S. 308-311.
- Lenin V.I. Rech' pri otkrytii memorial'noj doski borcam oktyabr'skoj revolyucii 7 noyabrya 1918 g. // PSS. 5-e izd. V 55 t. T. 37. M.: Izd-vo politicheskoy literatury. 1969. 748 s.
- Mironov B.N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (HVIII – nachalo XX v.): V 2 t. T. 1. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2003. 548 s.
- Nad bratskoj mogiloy // Izvestiya. № 22, 23 marta 1917.
- Pimenova L.A. Ideya svobody vo Francuzskoj revolyucii XVIII veka // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/LIBERTE.HTM>
- Po vospominaniyam E. Chazova // Argumenty i fakty. 1988. № 8.
- Pospelov G. Il'ya Repin (1844–1930): narodovol'cheskaya seriya. Revolyucionnaya zhurnalistika semidesyatykh godov. Rostov n/D.: «Donskaya rech», 1907. 312 s.
- Rid Dzh. Izbrannoe: v 2-h kn.: Kn. 1. M.: Politizdat, 1987. 543 s.
- S. Stepyak-Kravchinskij ob Ippolite Myshkine (publ. V.S. Antonova) // Russkaya literatura. 1963. № 2. S. 161-166.
- Stepnyak-Kravchinskij S. Podpol'naya Rossiya. M.: Izd-vo «Prospekt». 2014 (ebook). 191 s.
- Sobul' A. Pervaya Respublika (1792–1804). M.: Progress, 1974. 378 s.
- Stalin I.V. Sochineniya. M.: OGIZ. 1947. T. 6. 170 s.
- Stenograficheskij otchet po delu o propagande v Imperii. Zasedaniya Osobogo prisutstviya pravitel'stviyushchego Senata. SPb.: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1878. 634 s.
- Tumarkin N. Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoj Rossii. SPb.: Akademicheskij proekt, 1997. 288 s.
- U velikoj mogily. M.: Izd. gazety «Krasnaya zvezda». 1924. 642 s.
- Uorner U. Zhivye i mertvye. M.; SPb.: Universitetskaya kniga. 2000. 671.
- Figner V. Zapechatlennyj trud. Vospominaniya v 2-t. T. 2. M.: Mysl', 1964. 320 s.
- Firsov S.L. Perevernutaya religiya: sovetskaya mifologiya i kommunisticheskoy kul't (k voprosu o novom revolyucionnom soznanii i «osvobodhdennom» cheloveke // Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2003. № 1. S. 91-109.
- Hrestomatiya po istorii SSSR. 1861–1917. M.: Prosveshchenie. 1990. 416 s.
- Chicherin G.V. Molodezh' dolzhna učit'sya u Lenina // Molodaya gvardiya. 1924. № 2-3.
- Lavigne E. Introduction á l'histoire du nihilisme russe. Paris: G. Charpentier. 1880. 401 p.

Андреева Лариса Анатольевна, профессор РАН, доктор философских наук, главный научный сотрудник ЛГУ им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник Института Африки РАН; larchen1969@gmail.com

Secular sanctity: cult of revolutionary martyrs in Russian history

In the article the formation of a quasi-religious cult of revolutionary martyrs as one of the forms of "transfer of sacredness" is considering. The formation of this phenomenon in the Narodnaya Volya's movement of the second half of the 19th century in the Russian Empire is investigated. Particular attention is paid to the study of Lenin's biography through the prism of the Narodnaya Volya's ideals both lifetime and posthumous perception of V.I. Lenin as a martyr of the Revolution.

Keywords: cult of revolutionary martyrs, secular sanctity, quasi-religiousness, Narodnaya Volya, Russian Empire, V.I. Lenin

Larisa Andreeva, Prof., Dr. Sc., Senior Research Fellow, Pushkin Leningrad State University; Senior Researcher, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences; larchen1969@gmail.com